

ПРАКТИКА ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1970-е гг.

Исследуется практика проектирования и преобразования сельского расселения Томской области в 1970-е гг. Основное внимание уделено вопросу сселения «неперспективных» сельских населённых пунктов, являвшемуся в изучаемое десятилетие основой расселенческой политики в стране. Охарактеризованы схемы и проекты районных планировок Томской области, созданные в изучаемый период, а также развитие теории преобразования сельского расселения и созданные на основе новых теорий планы организации в Томской области групповых систем населённых мест.

Ключевые слова: сельское расселение; 1970-е гг.; Томская область; сселение; районная планировка, групповые системы населённых мест.

Стремление выработать адекватную сельскохозяйственную политику является общим трендом во всём многообразии российских политических течений сегодняшнего дня. Отрадно, что в фокус внимания вернулся отдельный сельский труженик, наделяемый признаками, роднящими его с традиционным русским крестьянином, местом обитания которого была и должна быть деревня. Одним словом, можно говорить о востребованности исторического опыта крестьянствования в условиях деревенского образа жизни.

К 1970-м гг. сельскохозяйственное производство было уже серьёзнейшим образом механизировано, но колхозники и рабочие совхозов как обладатели личных подсобных хозяйств в массе своей ментально ещё были носителями крестьянского начала. Правда, в предшествующий период была задана мощнейшая инерция изживания этой так называемой на марксистско-ленинском языке мелкобуржуазной сущности сельских жителей.

В 1970-е гг. томская деревня входила с запланированными количественными и качественными параметрами организованной укрупнённой поселенческой сети. Были созданы предпосылки к организованному и принудительному сселению «неперспективных» деревень. Сельской поселенческой сети в это десятилетие предписывалось завершение данной реорганизации, которая подразумевалась в 1970-е гг. приоритетом сельскохозяйственной политики. С целью повышения эффективности сельскохозяйственного производства в понимании политической власти деревню нужно было подвергнуть дальнейшему реформированию. Выхолащивание крестьянского начала в деревне в 1950–1960-е гг. нужно было закрепить новым качеством сельского населённого пункта как сосредоточия социалистического производства, в котором ведущую роль должны играть сельскохозяйственные рабочие.

Районные планировки как апробированный инструмент реализации расселенческой политики должны были чётко среагировать на меняющуюся социально-экономическую обстановку рубежа 1960–1970-х гг. Аграрная реформа 1965 г. предусматривала серьёзные капиталовложения в сельское хозяйство, жёсткое административное планирование, но с элементами децентрализации. Доминирующие миграционные потоки из села в город, чреватые обезлюживанием села как такового, нужно было переорганизовать в переселение жителей неперспективных деревень в

перспективные населённые пункты. Сужению производственной самостоятельности колхозов «управленческая элита», являвшая к тому времени смычку районного и колхозно-совхозного начальства, не увидела альтернатив. Относительные успехи в развитии сельского хозяйства в восьмой пятилетке притупляли восприятие опасности исчезновения деревни как таковой в процессе очередного реформаторского шага в виде повсеместного преобразования колхозов в совхозы. Нужно было во что бы то ни стало вписаться в объемлющие проекты районных планировок, т.е. снять барьеры колхозного самоуправления на пути концентрации сельского населения в «перспективных» населённых пунктах. Примечательно, что Томская область в деле «совхозизации» деревни числилась в передовых на просторах Западной Сибири [1. С. 270].

В конце 1960-х гг. проектным институтом «Сибгипросельхозстрой» был разработан и 19 марта 1971 г. решением Томского облисполкома утверждён «Проект районной планировки сельскохозяйственных районов Томской области» [2. Л. 24]. В основу этого проекта были положены инструкция РСН-01-68 и проекты районных планировок районов Томской области, которые составлялись на протяжении 1960-х гг. В тексте проекта указывалось, что в 1970 г. было проведено дополнительное согласование перспективности населённых пунктов с исполнительными комитетами районных Советов депутатов трудящихся. Также для составления проекта использовались данные пятилетнего плана развития народного хозяйства Томской области на 1971–1975 гг. и проект специализации и концентрации сельскохозяйственного производства Томской области, разработанные областным управлением сельского хозяйства в 1968 г., материалы научно-практической конференции по проблемам развития и размещения производительных сил Томской области, состоявшейся в 1969 г.

По данным проекта, на 1 января 1969 г. в Томской области было 1 107 населённых пунктов, из них 1 092 сельских населённых пункта (741 сельскохозяйственных, 351 несельскохозяйственных и смешанных), 2 города областного подчинения, один город районного подчинения и 12 посёлков городского типа [3. Т. 2. С. 17]. Сельское расселение области было неравномерным, плотность населения была очень низкой. В целом по области она составляла 1,1 человек на 1 кв. км, в северной её зоне – 0,4, в централь-

ной – 1,4, в южной – 4,3 кв. км [3. Т. 2. С. 18]. В проекте констатировалось, что повсеместно на территории области находится большое количество мелких сельских населённых пунктов (252,23% сельских населённых пункта имели менее 50 жителей) и отмечается ярко выраженный очаговый характер размещения сельского хозяйства и населённых пунктов, особенно в северных районах области [Там же. С. 19]. С учётом данной информации 528 сельских населённых пунктов были отнесены к числу неперспективных. В первую очередь (до 1975 г.) должны были быть сселены 275 самых мелких населённых пунктов, имеющих малоценный строительный фонд, во вторую (сроки которой в проекте не определены, а обозначены в одном месте «после 1975 г.» [3. Т. 2. С. 33], в другом – «на перспективу» [3. Т. 1. С. 5]) – 253. Во вторую очередь намечалось сселять населённые пункты с большей численностью населения, с удовлетворительным строительным фондом, в момент, когда необходимость в них отпадёт в связи с «совершенствованием сельскохозяйственного производства» [3. Т. 3. С. 57]. Во всех населённых пунктах первой очереди сселения запрещалось всякое строительство. В населённых пунктах второй очереди сселения разрешалось проводить только ремонт существующих построек, строительство некапитальных зданий и элементарное благоустройство [3. Т. 2. С. 22]. В число неперспективных было включено также 39 населённых пунктов, которые по проекту подлежали объединению с близлежащими перспективными. В итоге в области должно было остаться 588 населённых пунктов, в том числе 4 города, 11 посёлков городского типа, 573 сельских населённых пункта (342 сельскохозяйственных, 199 не сельскохозяйственных и 32 смешанных). Было запланировано переселить в перспективные посёлки 41 950 человек, в том числе в первую очередь – 9 630, во вторую – 32 320 человек. За счёт проведения запланированных преобразований предполагалось увеличить среднюю плотность сельских населённых пунктов с 328 до 936 человек [Там же. С. 4].

С большей определённой и в практической плоскости намечаемое преобразование сельской поселенческой сети области обсуждалось 20 июля 1972 г. на пятой сессии Томского областного Совета (тринадцатого созыва) в контексте вопроса о капитальном строительстве на селе [4. Л. 1–10]. В подготовленной в 1973 г. по итогам заседания справке указывалось, что в области был 1 101 населённый пункт, в том числе 3 города, 12 посёлков городского типа, 293 сельских населённых пункта, 65 посёлков леспромхозов, 728 населённых пунктов были обозначены как «прочие» [5. Л. 165–166]. 6 ноября 1973 г. облисполком направил в Госплан РСФСР и Госстрой РСФСР данные по прогнозу развития сети сельских населённых пунктов по Томской области на период до 1990 г. В нём указывалось, что к 1991 г. в области должно остаться 540 сельских населённых пунктов, в том числе перспективных – 240, районных центров – 10, центральных усадеб совхозов – 90, центральных усадеб колхозов – 15. Отмечалось, что эти цифры получены на основе систематизации статистических дан-

ных с 1959 по 1973 г. анализа происходящей миграции сельского населения и с учётом схем районных планировок. Предполагалось, что такие показатели будут достигнуты за счёт резкого уменьшения количества мелких населённых пунктов, имеющих население до 100 человек, переселения их жителей в перспективные сёла, имеющие лучшее благоустройство и обеспеченность образовательными и культурно-бытовыми учреждениями. Планировался рост сельских населённых пунктов с численностью жителей свыше 500 человек [5. Л. 116].

Важно отметить, что по поводу грандиозной реорганизации сельской поселенческой сети, сведённой в сознании реформаторов главным образом к сселению «неперспективных» деревень, в 1970-е гг. обозначилась некоторая научная и публицистическая рефлексия. К примеру, В.Р. Беленький и Л.А. Кранц, осуществляя обзор практики укрупнения и сселения сельских населённых пунктов и анализируя проявившийся в практике преобразования сельского расселения негатив, говорили, что «решая вопросы укрупнения, в каждом конкретном случае нужно быть максимально осторожным и реалистичным» [6. С. 10]. Но власть декларировала политическую волю и административную решимость в следовании выбранному курсу преобразования сельской поселенческой сети, практика реализации которого давала сбой. Примечательна в этой связи позиция Первого секретаря Томского обкома КПСС Е.К. Лигачёва, который на заседании XVI Томской областной партийной конференции 25 декабря 1975 г. говорил о возросшей в 1970-е гг. актуальности сельского строительства и необходимости в этой связи «значительно расширить фронт работ по переустройству деревни на городской лад» и обязал рассмотреть этот вопрос на ближайшем пленуме обкома КПСС [7. Л. 24]. На пленуме он выказал своё видение целей и задач расселенческой политики и указал на необходимость строго соблюдать заданную логику преобразования сельского расселения в Томской области. По его мнению, в развитии того или иного сельского населённого пункта нужно было строго исходить из планов специализации и концентрации сельскохозяйственного производства в области, из размещения сельскохозяйственных производственных комплексов, активно создаваемых в 1970-е гг. вблизи г. Томска. Масштаб и важность целей оправдывали, с его точки зрения, средства: «Мы не можем просто вообще застраивать село и посёлок, хотя мы там и родились, хотя мы там и живём. Мы закрывали и будем закрывать, сама жизнь будет закрывать ещё немало населённых пунктов, надо только это делать не стихийно, а организованно. Это естественно, потому что в наследие мы получили в целом по стране колоссальную расплывённость населения, рассредоточенность в силу того, что в своё время в основе сельского хозяйства лежало мелкое раздробленное крестьянское хозяйство» [8. Л. 61–62]. В выступлении Е.К. Лигачёва содержится ещё один показательно несентиментальный пассаж в отношении деревень. Он настаивал на необходимости образовать городок овощеводов вместо восьми деревень, на базе которых

в то время в Томском районе существовала овощная фирма (а её руководитель Н.С. Жульев просил добавить ему ещё четыре деревни), аргументируя следующим образом: «Но где же мы найдём силы, средства обустроить все эти двенадцать деревень? А почему мы должны их обустроить? Потому что наши деды, прадеды и мы там с вами жили, что ли? Наверное, это не является главным условием сохранения всех населённых пунктов» [8. Л. 62]. Таким образом, властью концепция расселенческой политики, нормой которой была ликвидация «неперспективных» деревень, не подвергалась сомнению, а лишь требовала исполнительской дисциплины.

В основу государственной расселенческой политики была положена необходимость решения двух задач: в первую очередь экономической (рост концентрации производства и организации соответствующего размещения трудовых ресурсов), а также социальной (преодоление различий между городом и деревней) [9. С. 31]. Районные планировки, составленные в Томской области на протяжении 1960–1970-х гг., соответствуют данному целеполаганию. К примеру, в «Проекте районной планировки сельскохозяйственных районов Томской области» (1970 г.) говорилось, что «при организации системы расселения в перспективе ставилась задача создать населённые пункты таких размеров и в таком количестве, чтобы обеспечить дальнейшее развитие народного хозяйства области и создание более высокого уровня культурно-бытового и коммунального обслуживания населения этих посёлков». При этом при определении перспективности того или иного населённого пункта особое внимание уделялось производственной необходимости в нём [3. Т. 2. С. 20]. Опять же Е.К. Лигачёв, говоря, в частности, о строительстве в эти годы вблизи Томска крупного комплекса по производству яиц, птичьего мяса и свинины, специально отмечал необходимость создания для работников комплекса вместо имевшихся многочисленных деревень двух посёлков с «пятитажными городскими домами, с полным комплексом коммунальных удобств и необходимыми условиями жизни, труда и культурного развития» [8. Л. 62].

Результаты реализации расселенческой политики в 1970-е гг. в Томской области, как и в целом в стране, были далеки от запланированных. В 1970-е гг. уже вошли с большим отставанием по выполнению планов преобразования сельской поселенческой сети области, содержащихся в проектах районных планировок 1960-х гг. Так, из 134 населённых пунктов, которые в проектах районных планировок Парабельского (1964 г.), Бакчарского (1964 г.), Кожевниковского (1965 г.) и Асиновского (1966 г.) районов были названы неперспективными, исчезли в установленный срок только 42 [10. Л. 32; 11. Л. 225–226; 12. С. 35–95; 13. Л. 28–29; 14. Л. 157–158]. Сравнение содержащихся в «Проекте районной планировки сельскохозяйственных районов Томской области» (1970 г.) планов сселения «неперспективных» деревень с перечнями сельских населённых пунктов области за 1970 и 1977 гг. показало, что с начала 1970-х и до 1977 г. исчезло 54,5% «неперспективных» деревень, в частности

70,6% сельских населённых пунктов первой очереди и 10,6% второй очереди сселения [12. С. 35–95; 15. С. 142–196]. Из общего числа «неперспективных» деревень 350 были сельскохозяйственными: 198 первой очереди сселения и 152 – второй. Из них к 1977 г. исчезло 39,5 и 19,1% деревень соответственно. 44 сельских населённых пункта, в проекте районной планировки 1970 г. названные неперспективными и подлежащими сселению, в материалах переписи населения 1970 г. отсутствовали. Очевидно, они исчезли ещё до проведения переписи населения 1970 г. Средняя людность сельских населённых пунктов не достигла запланированного в проекте уровня в 936 человек и в 1979 г. составляла лишь 405 человек, а ещё через десять лет, в 1989 г., – лишь 513 человек (подсчитано по: [12. С. 35–95]).

В целом по стране, по данным выборочных обследований, как указывает Б.С. Хорев, доля переселившихся именно в плановом порядке из неперспективных сёл в перспективные была мала и составляла лишь 2–3% от общего объёма миграции сельского населения [16. С. 34]. Незначительность этого числа подтверждается на областном уровне таким источником, как отчёты колхозов и совхозов. В этих отчётах в первой половине 1970-х гг. появились графы соответственно «Число колхозных дворов, переселённых из мелких населённых пунктов в благоустроенные посёлки» и «Число семей рабочих и служащих совхоза, переселённых из мелких населённых пунктов в благоустроенные посёлки». Просмотр большого количества таких отчётов из числа сохранившихся в Государственном архиве Томской области показал, что в их подавляющем большинстве эта графа не была заполнена. Только по трём хозяйствам имеются данные: в колхозе «Гигант» (с. Каргала Шегарского района) в 1975 г. переселили 23 двора и в 1976 г. – 25 дворов, в совхозе «Елгайский» (с. Елгай Кожевниковского района) в 1977 г. переселили одну семью, в Опытном производственном хозяйстве (ОПХ) им. Б.Н. Сидоренко (с. Богашёво Томского района) в 1977 г. переселили пять семей [17. Л. 27; 18. Л. 15; 19. Л. 42; 20. Л. 2].

Причинами провала реализации планов сселения и районных планировок в целом современники называли недостатки организационного плана и дефицит финансирования. Это нашло отражение в научной и публицистической литературе тех лет, а также в делопроизводственной документации. В Томской области на организационные недостатки обратили внимание ещё в 1960-е гг. В частности, проектная организация «Сибгипросельхозстрой», проверяя в 1968 г. реализацию проекта районной планировки Молчановского района Томской области, отмечала, что «было бы правильно, если бы райисполком и районное производственное управление сельского хозяйства, получив проект районной планировки, разработали конкретные мероприятия по её реализации и довели их до каждого хозяйства. Этой работы проведено не было» [21. С. 29]. Намного позже, в 1986 г. проектировщики той же проектной организации в пояснительной записке к очередной районной планировке, анализируя реализацию предшествующих работ, дословно повто-

ряли эту мысль и продолжали: «В определённой степени на это повлияло и то, что районные и областные плановые органы слабо ориентировали пятилетнее и текущее планирование на реализацию предложений схем районной планировки, мало использовали материалы схем при разработке планов социально-экономического развития районов, притом закрытый характер материалов районных планировок затруднял их использование» [22. Т. 1. Л. 5].

Материалы районных планировок не всегда учитывались при планировании на местах. Изначально районная планировка была призвана решать два комплекса задач планировки сельскохозяйственных районов: 1) определение специализации, объёмов и территориальной организации сельскохозяйственного производства, потребность в рабочей силе; 2) реконструкция системы сельского расселения [23. С. 237–238]. Между тем в производственном отчёте Томской землеустроительной экспедиции за 1968 г. говорится о том, что составленные ими проекты землеустройства увязывались с материалами районных планировок в основном по количеству отделений, по населённым пунктам. Специализация хозяйств, объём производства продукции растениеводства, животноводства и другие показатели, как правило, имели расхождение с материалами районных планировок и увязывались с существующими уже в области материалами специализации и перспективными планами на 1970, 1975, 1980 гг. [24. Л. 8]. Это, несомненно, затрудняло реализацию районных планировок как комплексного документа, планирующего взаимосвязанное преобразование сельских территорий. На протяжении 1970-х гг. ситуация с этим вопросом в стране не изменилась. В начале 1980-х гг. в литературе отмечалось, что «документов законодательного характера, определяющих статус районных планировок, в нашей стране нет, что весьма усложняет дело с её практическим внедрением» [25. С. 193]. Также указывалось, что в регионах не было детально разработанных планов поэтапной (по пятилеткам) реализации преобразовательных мероприятий, заложенных в районных планировках [26. С. 208].

В материалах проведённой в 1969 г. проверки реализации районных планировок Асиновского и Молчановского районов Томской области отмечалось, что организованного сселения из-за недостатка финансовых ресурсов проводилось немного меньше, чем было запланировано [21. С. 25]. Такая картина была повсеместно типичной. Так, Г.В. Йоффе в конце 1970-х гг. писал: «Главным образом по причине нехватки капиталовложений спускавшиеся на места в 1970-е гг. планы по сселению неперспективных деревень выполнялись не более чем на 25–40%» [27. С. 185].

В подобной ситуации решающую роль в изменении сельского расселения Томской области в 1970-е гг. играла миграция сельского населения. Ежегодно 22–25 тыс. человек выбывали из сельской местности Томской области в городские населённые пункты (75% от общего числа мигрирующих) и в сельские населённые пункты других регионов страны (25%). Кроме того, 4,5–6 тыс. человек переезжали в пределах

сельской местности области. В то же время в сельскую местность Томской области ежегодно прибывало 20–21 тыс. человек [28. 70–71 об.; 29. Л. 4–5 об., 10–11 об., 31–32 об., 46–47 об.; 30. Л. 10–11 об., 33–34 об., 48–48 об., 61–62 об., 66–67 об., 69–70 об.]. Миграция сельского населения приводила к уменьшению его численности, к его перераспределению в пределах сельской местности области, к поляризации расселения, при которой население концентрировалось в одних местах и исчезало в других. Причиной миграции становилось то, что деревни, обозначенные как неперспективные, существовали под этим ярлыком довольно долго. Они теряли одно за другим учреждения и услуги, обеспечивавшие их жизнедеятельность, рабочие места: в них закрывались школы, фельдшерские пункты, отменялись автобусные маршруты, закрывались или перевозились на центральные усадьбы фермы. Это вынуждало людей к самостоятельному переезду.

Негативный эффект миграции населения из села вызывал обеспокоенность власти и общественности, вынуждал изучать её, разрабатывать меры по её оптимизации и ограничению [31–33]. Большую роль в этом сыграла группа социологов-экономистов из Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР (ИЭОПП СО АН СССР) (г. Новосибирск) во главе с Т.И. Заславской. В ходе социологических исследований поселенческой сети Западной Сибири в 1967, 1972 и 1977 гг. они изучали причины и структуру миграции сельского населения, состав и количество сельских мигрантов, влияние миграции на социально-демографическую и экономическую жизнь деревни, а также осуществили типологию и классификацию сельских населённых пунктов. Были выявлены зависимости между уровнем миграции сельского населения и уровнем развития экономики и социальной инфраструктуры на селе. Особое внимание было уделено исследованию социально-психологической составляющей миграции с целью определения тех элементов механизма миграции, на которые можно воздействовать, чтобы перейти от существовавших на тот момент в стране миграционных потоков к желаемым [34, 35]. По итогам исследования они утверждали, что «результаты миграции населения можно изменить, регулируя условия жизни в разных типах сельских посёлков и, кроме того, селяя жителей мелких посёлков в крупные благоустроенные сёла» [35. С. 14]. В 1970-е гг. имела место попытка усилить сселение, чтобы сконцентрировать остатки сельского населения в небольшом количестве населённых пунктов. В частности, сселение было одним из основных положений программы развития Нечерноземья, принятой в 1974 г. в связи с Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР (20 марта 1974 г.) «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» [36. С. 120–135].

Несоответствие реальных миграционных процессов и практики преобразования сельского расселения замыслам и предписаниям власти в 1970-е гг. предполагалось нивелировать посредством дальнейшего раз-

вития теории преобразования сельского расселения. В середине десятилетия были созданы теории единой системы расселения (ЕСР), групповых систем населённых мест (ГСНМ), опорного каркаса расселения (ОКР), которые предусматривали концентрацию сельской поселенческой сети путём определения и застройки перспективных, развивающихся населённых пунктов и сселения жителей мелких деревень. Также следовало сформировать местные системообразующие центры кустового, районного и межрайонного уровней, которые должны были стать центрами обслуживания прилегающей сельской местности за счёт расположения в них ряда культурно-бытовых учреждений. Третьим элементом было развитие дорожной сети, связывающей деревни с центрами обслуживания [37–39]. На основе этих теорий в первой половине 1970-х гг. Центральным научно-исследовательским и проектным институтом градостроительства (ЦНИИП-градостроительства) на основе разработанной Советом по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР Генеральной схемы развития и размещения производительных сил СССР была разработана Генеральная схема расселения на территории СССР [40. С. 33]. В ней говорилось о необходимости создания условий расселения, благоприятствующих существенному повышению уровня культурно-бытового обслуживания и благоустройства сельских поселений, о сближении условий жизни в городах и сельских населённых пунктах. Были выделены 62 крупные групповые системы расселения, 169 средних и 323 мелкие [40. С. 32; 41. Л. 4–5]. В Генеральной схеме расселения было выделено три этапа:

1. 1970–1975 гг.: строительство экспериментальных посёлков, завершение формирования опорной сети населённых пунктов, развитие системы культурно-бытового обслуживания, осуществление районной планировки, застройки и благоустройства основных населённых пунктов, развитие транспортной сети и средств связи.

2. 1975–1980 гг.: утверждение новой системы расселения, где должно быть преодолено различие между городом и деревней, завершение ликвидации перспективных населённых пунктов, преобразование сельских поселений в посёлки городского типа, в том числе по уровню благоустройства.

3. До 2000 г.: полное стирание различий между городом и деревней [42. С. 210].

Явный крен в углубление теории сельского расселения в 1970-е гг. был следствием отсутствия ожидаемого эффекта от практики реализации расселенческой политики.

На преобразование сельского расселения в 1970-е гг. всё большее корректирующее воздействие стала оказывать очередная «генеральная линия партии и правительства», суть которой заключалась в концентрации и специализации сельскохозяйственного производства, переводе его на индустриальную основу. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР (1971 г.) «О развитии производства продуктов животноводства на промышленной основе» определило переход на производство сельскохозяйственной продук-

ции современными промышленными методами – путём создания крупных животноводческих и птицеводческих комплексов. XXV съезд КПСС (май 1976 г.) принял Постановление «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции». Также съездом была подчеркнута важность и необходимость решения проблем экономического районирования и размещения производительных сил [25. С. 299]. Это предопределяло ещё большую концентрацию сельской поселенческой сети.

Серьёзные изменения в области сельскохозяйственной политики вызвали необходимость создания новой районной планировки Томской области. В 1978 г. в переписке с Госстроем РСФСР заместитель председателя Томского облисполкома А.И. Демчук отмечал, что разработанный в 1970 г. на основе районных планировок административных районов проект районной планировки Томской области является чисто сельскохозяйственным, некомплексным и не даёт перспектив развития области. Из-за этого вопросы сельхозпроизводства (особенно пригородных районов) не были увязаны с перспективой развития промышленности и ростом численности населения г. Томска. Особенно отмечалось, что этот проект не учитывал необходимость специализации животноводства, строительства крупных комплексов на промышленной основе. А.И. Демчук информировал Госстрой РСФСР о том, что проектный институт «Гипрогор» (Москва) в тот момент вёл разработку комплексной схемы областной районной планировки [43. Л. 240].

В 1978–1979 гг. разработка «Схемы районной планировки Томской области» была завершена. Основная работа была проделана институтом «Гипрогор», а раздел «Сельское хозяйство» был выполнен на субподрядных началах Уральским государственным институтом по проектированию сельскохозяйственного строительства «Уралгипросельхозстрой». В этом разделе содержатся анализ сложившейся сельской поселенческой сети Томской области и проектные решения по её преобразованию. Схема была составлена на расчётный срок до 2000 г. с выделением первой (до 1985 г.) и второй (до 1990 г.) очереди [15. С. 1, 53].

Согласно схеме на 1 января 1977 г. в Томской области оставалось 763 сельских населённых пункта. Из них 604 (почти 80%) имели численность населения до 300 человек, и поэтому авторы проекта отнесли их к «категории поселений, не имеющих оптимальных условий для дальнейшего развития с позиции градостроительства». В них проживал 31% сельского населения. Основная часть сельских жителей (69%) была сконцентрирована в 159 сельских населённых пунктах, средняя людность которых составляла 1 260 человек [Там же. С. 53]. Отмечалось, что сельское расселение в области было крайне неравномерным, отличалось раздробленностью с преобладанием малолюдных поселений и наличием небольшой группы крупных населённых пунктов, в которых было сконцентрировано почти 70% сельского населения [Там же. С. 57]. Густота сельских населённых пунктов в райо-

нах области была различной. Наибольшая отмечалась в Томском (1,5 пункта на 100 кв. км), Кожевниковском (1,3) и Асиновском (0,9) районах, наименьшая – в Александровском и Верхнекетском (0,05–0,06). В среднем по области она составляла 0,2 сельских населённых пункта на 100 кв. км территории [15. С. 54–55]. Из имевшихся сельских населённых пунктов 551 был связан с сельским хозяйством. Оставшиеся 212 в схеме были отнесены к группе «прочие». В их число вошли лесные, железнодорожные, приисковые и другие поселки.

Несмотря на констатируемую определённую устойчивость сложившегося сельского расселения, документ требовал коренного преобразования поселенческой сети в связи с современными тенденциями развития сельскохозяйственного производства, а именно в связи с переводом его на индустриальную основу. В схеме главной задачей реконструкции сельского расселения называлась активизация развития ограниченного числа перспективных населённых пунктов и сселение мелких неперспективных сельских населённых пунктов [Там же. С. 57–58]. Утверждалось, что к решению поставленных задач существующая система практически подготовлена, так как сеть перспективных поселений обозначена достаточно чётко. Это, прежде всего, посёлки с численностью населения более 500 человек, а также усадьбы колхозов и совхозов, развитие которых диктуется их географическим и экономическим положением в хозяйстве. Отмечалось, что в каждом из 133 хозяйств, существовавших в области на тот момент, должно было остаться по два–три населённых пункта. В конечном итоге в схеме районной планировки 229 сельских населённых пунктов были определены перспективными, 160 – сохраняемыми. Последние считали необходимым сохранить из-за характера территории сельскохозяйственных предприятий (разобщённость земельных массивов, залесенность и заболоченность, гидрографические преграды и пр.), в них рекомендовалось не осуществлять крупное строительство, обслуживание сельских жителей следовало осуществлять через центры внутрихозяйственных систем расселения – перспективные населённые пункты. На некоторый период они были необходимы в производственном отношении, но в идеальные представления о поселенческой структуре они не вписывались. 372 сельских населённых пункта намечались к сселению как самые малолюдные деревни, практически не имеющие базы сельскохозяйственного производства, 2 – к слиянию [15. С. 58–59]. Таким образом, если по проекту 1970 г. после сселения «неперспективных» деревень должно было остаться 564 сельских населённых пункта, то по схеме 1978 г. – лишь 389.

Планы преобразования сельского расселения ориентировались также на необходимость организации достойного культурно-бытового обслуживания сельских жителей. Однако исторически сложившаяся разбросанность сельских населённых пунктов и слабая транспортная доступность не позволяли сформировать единую многоступенчатую систему обслуживания. Документ констатирует, что учреждения соцкультбыта в сельской местности были очень мелкие,

многие сельские населённые пункты были вовсе лишены этих учреждений, а капитальные вложения при строительстве распылялись [15. С. 60]. Предполагаемое сселение должно было способствовать созданию многоступенчатой системы обслуживания с выделением учреждений повседневного, периодического и эпизодического использования [Там же. С. 61]. Большинство перспективных сельских населённых пунктов, определённых в схеме как центры внутрихозяйственных систем сельского расселения, были отнесены к центрам обслуживания первой ступени. В них предписывалось размещать учреждения повседневного спроса, т.е. те, которыми жители групповой внутрихозяйственной системы пользуются ежедневно или не реже одного раза в десять дней. Они должны были располагаться в получасовой транспортной доступности для всех жителей. Через центры первой ступени планировалось осуществлять культурно-бытовое обслуживание сельских населённых пунктов ограниченного развития. Центрами второй ступени были определены райцентры. В них располагались учреждения периодического посещения, которые посещали не реже одного раза в месяц. Их транспортная доступность должна была составлять час-полтора [15. С. 61–62]. Третья ступень – города, крупные населённые пункты, в которых следовало размещать учреждения эпизодического использования.

В схеме районной планировки Томской области (1978 г.), а также в ряде изданий того периода содержались ещё более масштабные выкладки в сфере расселенческой политики, особенно в части формирования в Томской области групповых систем населённых мест (ГСНМ) различного ранга. Предусматривалось создание следующих групповых систем населённых мест:

1. Крупная система с центром в г. Томске. Радиус обслуживания – 120 км. Эта система должна была охватить такие центры, как г. Асино, п. Первомайский, рабочий посёлок Самусь, Моряковский Затон и 195 сельских, лесных и прочих населённых пунктов. Город Томск, в свою очередь, был определён лишь как один из периферийных городов в Кузбасском микрорегионе Новосибирской региональной системы расселения [44. С. 5].

2. Средняя групповая система с центром в г. Нижневартовске. Радиус обслуживания – 80 км. В эту систему должны были войти г. Стрежевой и 10 прочих населённых пунктов Томской области.

3. Малая групповая система с центром в г. Колпашево. Радиус обслуживания – 40 км. В границы этой системы должны были войти посёлок Тогур, а также ещё 50 сельских населённых пунктов. Про г. Колпашево в схеме было сказано, что хотя он и является крупнейшим населённым пунктом центральной зоны области, но при существующем уровне экономического развития и слабых транспортных связях не способен как выполнять роль центра зоны, так и образовать в зоне групповую систему расселения [15. С. 12–15, 53–55].

Особое внимание уделялось планированию расселения на севере области. Эта территория развивалась преимущественно на добывающих отраслях – нефти и газодобыче. Расселение на этих территориях плани-

ровалось в виде г. Стрежевого, который должен был обслуживать Стрежевской и Васюганский нефтяные районы, и г. Пудино – Нюрольский нефтяной район, а также вахтенных посёлков. Проектировщикам было очевидно, что эти групповые системы населённых мест охватывают далеко не всю территорию Томской области. Вне формирующихся групповых систем оставались несколько населённых пунктов, расположенных обособленно: город Пудино, рабочий посёлок Каргасок, посёлок Белый Яр. В отношении таких ситуаций в обзоре, посвященном Генеральной схеме расселения на территории СССР, изданном в 1980 г., говорилось, что не все районы сельской местности в перспективе могут быть охвачены малыми групповыми системами населённых мест из-за отсутствия в них городских поселений, низкой плотности сельского населения, большой удалённости поселений друг от друга. Наиболее целесообразными путями улучшения условий проживания сельского населения в этих районах были названы организация обслуживания населения передвижными средствами, организация транспорта, обеспечивающего доступ к городам – центрам систем населённых мест, создание в перспективе малых городов [45. С. 21]. Предложений было много, но ни одно из них в Томской области реализовано не было.

К 1980 г. в теории и практике расселенческой политики обнаружилось серьёзное торможение. Прежде всего, отсутствовал значимый эффект в виде повышения производительности труда. С 1975 г. в общественном сознании стали доминировать в отношении судеб малых деревень гуманистические настроения. Бюрократические подходы испытывали давление, исходившее от писателей-деревенщиков. Периодический перевод проблем расселенческой политики во всё новые стадии теоретической разработки оправдывал пассивность колхозно-совхозного начальства в деле сселения «неперспективных» деревень. Всё это нашло отражение в выпущенном в 1980 г. циркуляре Госгражданстроя СССР «Об устранении недостатков в проектах районной планировки в части расселения в сельской местности», отменившем выделение неперспективных сельских населённых пунктов [46. С. 22].

Между тем отказ от одиозного термина «неперспективная деревня» не подвергал сомнению саму идею планирования сельского расселения. Экономическая и общественно-политическая обстановка рубежа 1970–1980-х гг. побуждала власть предпринимать управленческие манёвры с целью нивелирования

продовольственных трудностей в стране. Отказ от термина был своеобразным прикрытием утрирования роли планирования сельского расселения в деле обеспечения продовольственной безопасности страны.

Произошедший на предыдущих этапах перевод изначально политической задачи преобразования сельского расселения – задачи раскрестьянивания – в экономическую – преобразование сельской поселенческой сети как основы высокоэффективного сельскохозяйственного производства – успехом не увенчался. К концу 1970-х гг. осуществлённые преобразования сельской поселенческой сети области так и не привели к росту сельскохозяйственного производства, как, впрочем, и в целом районные планировки эффективным инструментом его развития так и не стали.

Продолженная в 1970-е гг. большая работа по теоретической разработке вопроса преобразования сельского расселения не нашла соответствующего практического воплощения. Перманентное совершенствование районных планировок превратилось в самоцель, в своеобразную индустрию, обеспечивающую работой идеологов и практиков преобразования сельского расселения. Демагогия по поводу урбанистических перспектив развития деревни привела к имитации работы по реализации расселенческой политики на уровне смычки районного и колхозно-совхозного начальства. А тот факт, что в 1970-е гг. деревни исчезали, был результатом в массе своей не целенаправленных усилий по реализации предписаний районных планировок, а следствием деградации деревень вообще и так называемых неперспективных деревень в особенности, ибо в отношении последних неблагоприятные факторы создавались ещё и искусственно с уровней, объёмлющих усилия колхозно-совхозного начальства.

Что касается сельских жителей, трудно говорить о том, что в 1970-е гг. ими были наработаны качественно новые адаптационные практики. Итогом многочисленных преобразований на селе в 1960-х гг. стала полная дезориентация крестьян, которая по логике должна была смениться новой организацией сельских тружеников [47. С. 370]. Однако этого не произошло, а сельские жители, утратив навыки артельного самоуправления, сумели самосохраниться лишь в качестве пассивных объектов управления. Власть, взяв сельских тружеников под прямое директивное управление, заполучила все издержки, присущие несовершенствующимся сообществам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов Д.С. Сельское хозяйство Томской области во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг.: от мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г. к Продовольственной программе 1982 г. Бийск : АГАО, Институт истории СО РАН, ГУТО ЦДНИ, 2014. 279 с.
2. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 703.
3. Текущий архив Департамента архитектуры, строительства и дорожного комплекса Администрации Томской области. Проект районной планировки сельскохозяйственных районов Томской области. 1970 г.
4. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 478.
5. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 568.
6. Беленький В.Р., Кранц Л.А. Сельские посёлки в единой системе расселения. М. : Знание, 1975. 64 с.
7. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 4602.
8. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4605.
9. Ходжаев Д.Г., Вишнякова В.С., Глабина Н.К. Эффективность расселения: проблемы и суждения. М. : Мысль, 1983. 276 с.
10. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 514.
11. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 7. Д. 4999.

12. Численность населения по каждому населённому пункту Томской области по итогам ежегодного учёта и Всесоюзных переписей населения за период с 1959 по 1989 г. Томск : Томское областное управление статистики, 1990. 95 с.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 5399. Оп. 1. Д. 47.
14. ЦДНИ ТО. Ф. 252. Оп. 3. Д. 5.
15. Текущий архив Департамента архитектуры, строительства и дорожного комплекса Администрации Томской области. Схема районной планировки Томской области. 1978 г.
16. Хорев Б.С. Реконструкция сельского расселения: новый этап научно-технической политики // Вопросы географии. М. : Мысль, 1988. Сб. 132 : Современное село: пути развития. С. 34–52.
17. ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 756.
18. ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 857.
19. ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 955.
20. ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 946.
21. Текущий архив администрации Муниципального образования «Асиновский район» (г. Асино Томской области). Результаты проверки реализации проектов районной планировки Асиновского и Молчановского районов (1969 г.). 72 с.
22. Текущий архив Департамента архитектуры, строительства и дорожного комплекса Администрации Томской области. Проект районной планировки Асиновской группы районов Томской области. Пояснительная записка к группе районов. 1986 г.
23. Перцик Е.Н. Районная планировка (географический аспект). М. : Мысль, 1973. 263 с.
24. ГАТО. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 190.
25. Хорев Б.С. Территориальная организация общества (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). М. : Мысль, 1981. 320 с.
26. Проблемы расселения в СССР : социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления / под. ред. Б.С. Хорева. М. : Статистика, 1980. 255 с.
27. Иоффе Г.В. Управление расселением: возможности и ограничения // Методы изучения расселения. М. : Институт географии Академии наук СССР, 1987. С. 181–196.
28. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 228.
29. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 263.
30. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 547.
31. Миграционная подвижность населения в СССР / под. ред. Б.С. Хорева. М. : Статистика, 1974. 159 с.
32. Староверов В.И. Социально-демографические проблемы деревни. Методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. М. : Наука, 1975. 285 с.
33. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения : статистико-географические очерки. М. : Мысль, 1978. 253 с.
34. Миграция сельского населения / отв. ред. Т.И. Заславская. М. : Мысль, 1970. 348 с.
35. Заславская Т.И. О целях и методах планирования миграции сельского населения в города : доклад на VII Международный социологический конгресс. (Варна, сентябрь 1970). Новосибирск : Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, 1970. 20 с.
36. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 36. М. : Изд-во полит. лит., 1976. 552 с.
37. Бельский В.Р. Проблема агроиндустриальных поселений (расселение в районах размещения территориальных аграрно-промышленных комплексов). М. : Мысль, 1979. 183 с.
38. Ливоваров Ю.Л. Современная урбанизация. Основные тенденции расселения. М. : Статистика, 1976. 191 с.
39. Кочетков А.В., Листенгурт Ф.М. Расселение в СССР (проблемы и решения). М. : Знание, 1981. 48 с.
40. Браде И., Перцик Е.Н., Питерский Д.С. Районная планировка и разработка схем расселения: опыт и перспективы. М. : Международные отношения, 2000. 136 с.
41. Белоусов В.Н. Генеральная схема расселения на территории СССР. М. : ЦНТИ по гражданскому строительству и литературе, 1977. 11 с.
42. Мазур Л.Н. Сельское расселение на Среднем Урале в XX веке: направления и варианты трансформации поселенческой сети : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2006. 480 с.
43. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 899.
44. Неустроев К.Ф. Формирование систем группового расселения на территории Сибири (обзорная информация). М. : ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, 1979. 49 с.
45. Листенгурт Ф.М., Сипунова Е.В. Генеральная схема расселения на территории СССР (обзорная информация). М. : Экономика, 1980. 46 с.
46. Хорев Б.С. Кто же назвал деревню «неперспективной»? // Сельская новь. 1990. № 3 (291). С. 21–22.
47. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М. : Университетская книга, 2005. 576 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 апреля 2015 г.

THE PRACTICE OF DESIGNING AND TRANSFORMATION OF RURAL POPULATION DISTRIBUTION OF TOMSK OBLAST IN THE 1970S

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 165–174. DOI: 10.17223/15617793/401/25

Usoltseva Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: usoltseva@list.ru

Keywords: rural population distribution in 1970s; Tomsk Oblast; resettlement; district layout; population settlement group system.

By the 1970s, Tomsk Oblast had planned quantitative and qualitative parameters of an organized bigger settlement network. In the 1970s, the reorganization of the rural settlement network became a priority of the agricultural policy. The Project of District Layout of Agricultural Areas of the Tomsk Oblast was developed at the end of the 1960s and approved in 1971. According to it, the number of settlements in the Oblast had to be reduced from 1,107 to 588. In the 1970s, some scientific and journalistic reflection arose concerning the transformations of the rural settlement network that were reduced in the minds of the reformers mainly to the resettlement of the “unpromising” villages. It particularly results in calls for caution in resettlement planning and conducting. However, despite the repeated failures in the implementation of these reforms, the government declared political will and administrative determination to follow the chosen way. The part of people who moved in a planned manner from unpromising villages to perspective ones was insignificant. In the 1970s, the migration of rural population played a decisive role in changing of the rural population distribution in Tomsk Oblast. Migration led to a reduction of the rural population of the Oblast, to its redistribution within the rural areas, to the polarization of the population distribution. The negative effect of large-scale population migration from the village caused concern of the authorities and the public, forced to study it, to develop measures for its optimization and limitation. Further

development of the theory of rural settlement transformation was intensified. It resulted in the development of the theories of a unified settlement system, a population settlement group system, a settlement pattern framework. The District Planning Scheme of Tomsk Oblast (1978), as well as a number of publications of that period, names three group systems of population settlement (with centers in Tomsk, in Kolpashevo and in Nizhnevartovsk), parts of which were to be the rural settlements of Tomsk Oblast. However, it was obvious that the lack of city settlements, the low-density of rural population, remoteness of settlements from each other led to the fact that group systems could not cover all the territory of Tomsk Oblast. In the 1970s, the transformation of the rural population distribution began to be increasingly corrected by the undertaken concentration and specialization of agricultural production. Resettlement following manufacturing was to become even more concentrated. Thus, according to The District Planning Scheme of Tomsk Oblast (1978) only 389 villages were to be preserved. Great work conducted in these years on the theoretical development of the transformation of rural population distribution did not find an appropriate practical implementation. By the end of the 1970s, the reorganization of rural settlement network had not led to an increase in agricultural production. At that time, villagers could preserve themselves only by becoming passive objects of control. Therefore, the authorities, taking them under direct policy management, acquired all the expenses inherent to the degrading village.

REFERENCES

1. Orlov, D.S. (2014) *Sel'skoe khozyaystvo Tomskoy oblasti vo vtoroy polovine 1960-kh – nachale 1980-kh gg.: ot martovskogo plenuma TsK KPSS 1965 g. k Prodozol'stvennoy programme 1982 g.* [Agriculture of Tomsk Oblast in the second half of the 1960s – early 1980s: from the March Plenum in 1965 to the Food Program in 1982]. Biysk: AGAO, Institute of History, SB RAS, Guto TSDNI.
2. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 703. (In Russian).
3. The Current Archive of the Department of Architecture, Building and Road Complex of Tomsk Oblast Administration. (1970) *Proekt rayonnoy planirovki sel'skokhozyaystvennykh rayonov Tomskoy oblasti* [The draft of the district planning of agricultural districts of Tomsk Oblast].
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 1. File 478. (In Russian).
5. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 1. File 568. (In Russian).
6. Belen'kiy, V.R. & Krants, L.A. (1975) *Sel'skie poselki v edinoi sisteme rasseleniya* [Rural settlements in the unified system of settlement]. Moscow: Znanie.
7. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 4602. (In Russian).
8. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 4605. (In Russian).
9. Khodzhaev, D.G., Vishnyakova, V.S. & Glabina, N.K. (1983) *Effektivnost' rasseleniya: problemy i suzhdeniya* [The effectiveness of the settlement: problems and judgments]. Moscow: Mysl'.
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 514. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 7. File 4999. (In Russian).
12. Tomsk Regional Administration of Statistics. (1990) *Chislennost' naseleniya po kazhdomu naselennomu punktu Tomskoy oblasti po itogam ezhegodnogo ucheta i Vsesoyuznykh perepisey naseleniya za period s 1959 po 1989 gg.* [The population of every settlement of Tomsk Oblast in the annual account and in the All-Union censuses in the period from 1959 to 1989]. Tomsk: Tomskoe oblastnoe upravlenie statistiki.
13. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5399. List 1. File 47. (In Russian).
14. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 252. List 3. File 5. (In Russian).
15. The Current Archive of the Department of Architecture, Building and Road Complex of Tomsk Oblast Administration. (1978) *Skhema rayonnoy planirovki Tomskoy oblasti* [The scheme of district planning of Tomsk Oblast].
16. Khorev, B.S. (1988) Rekonstruktsiya sel'skogo rasseleniya: novyy etap nauchno-tekhnicheskoy politiki [Reconstruction of rural resettlement: a new stage of scientific and technical policy]. *Voprosy geografii*. 132. pp. 34–52.
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1390. List 3. File 756. (In Russian).
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1390. List 3. File 857. (In Russian).
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1390. List 3. File 955. (In Russian).
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1390. List 3. File 946. (In Russian).
21. The Current Archive of the Administration of Asino District (Asino, Tomsk Oblast). (1969) *Rezultaty proverki realizatsii proektov rayonnoy planirovki Asinovskogo i Molchanovskogo rayonov* [The results of inspection of projects of district planning in Asino and Molchanovsky Districts].
22. The Current Archive of the Department of Architecture, Building and Road Complex of Tomsk Oblast Administration. (1986) *Proekt rayonnoy planirovki Asinovskoy gruppy rayonov Tomskoy oblasti. Poyasnitel'naya zapiska k grappe rayonov* [The draft of district planning of the Asino group of districts of Tomsk Oblast. An explanatory note to the group of districts].
23. Pertsik, E.N. (1973) *Rayonnaya planirovka (geograficheskiy aspekt)* [District planning (geographical aspect)]. Moscow: Mysl'.
24. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1692. List 1. File 190. (In Russian).
25. Khorev, B.S. (1981) *Territorial'naya organizatsiya obshchestva: (aktual'nye problemy regional'nogo upravleniya i planirovaniya v SSSR)* [Territorial organization of society (problems of regional management and planning in the Soviet Union)]. Moscow: Mysl'.
26. Khorev, B.S. (ed.) (1980) *Problemy rasseleniya v SSSR: sotsial'no-demograficheskiy analiz seti poseleniy i zadachi upravleniya* [Problems of settlement in the Soviet Union: the socio-demographic analysis of the network of settlements and management tasks]. Moscow: Statistika.
27. Ioffe, G.V. (1987) *Upravlenie rasseleniem: vozmozhnosti i ogranicheniya* [Management of resettlement: the possibilities and limitations]. In: Lappo, G.M. & Shuper, V.A. (eds) *Metody izucheniya rasseleniya* [Methods of studying resettlement]. Moscow: Institute of Geography, USSR AS.
28. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1085. List 3. File 228. (In Russian).
29. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1085. List 3. File 263. (In Russian).
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1085. List 3. File 547. (In Russian).
31. Khorev, B.S. (ed.) (1974) *Migratsionnaya podvizhnost' naseleniya v SSSR* [Migration mobility of the population in the USSR]. Moscow: Statistika.
32. Staroverov, V.I. (1975) *Sotsial'no-demograficheskie problemy derevni. Metodologiya, metodika, opyt analiza migratsii sel'skogo naseleniya* [Socio-demographic problems of the village. Methodology, technique, experience in analyzing the migration of the rural population]. Moscow: Nauka.
33. Khorev, B.S. & Chapek, V.N. (1978) *Problemy izucheniya migratsii naseleniya: statistiko-geograficheskie ocherki* [Problems of studying migration: statistical and geographical essays]. Moscow: Mysl'.
34. Zaslavskaya, T.I. (ed.) (1970) *Migratsiya sel'skogo naseleniya* [The migration of the rural population]. Moscow: Mysl'.
35. Zaslavskaya, T.I. (1970) *O tselyakh i metodakh planirovaniya migratsii sel'skogo naseleniya v goroda* [On the purposes and methods of planning the migration of rural population to the cities]. A report on the VII International Congress of Sociology. Varna. September 1970. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, SB USSR AS.
36. Anon. (1976) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [The decisions of the party and the government on economic issues]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.

37. Belen'kiy, V.R. (1979) *Problema agroindustrial'nykh poseleniy (rasselenie v rayonakh razmeshcheniya territorial'nykh agrarno-promyshlennykh kompleksov)* [The problem of agroindustrial settlements (settlement in areas with regional agro-industrial complexes)]. Moscow: Mysl'.
38. Pivovarov, Yu.L. (1976) *Sovremennaya urbanizatsiya. Osnovnye tendentsii rasseleniya* [Modern urbanization. Main trends of settlement]. Moscow: Statistika.
39. Kochetkov, A.V. & Listengurt, F.M. (1981) *Rasselenie v SSSR (problemy i resheniya)* [Settling in the USSR (problems and solutions)]. Moscow: Znanie.
40. Brade, I., Pertsik, E.N. & Pitserskiy, D.S. (2000) *Rayonnaya planirovka i razrabotka skhem rasseleniya: opyt i perspektivy* [District planning and development of settlement schemes: experience and prospects]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
41. Belousov, V.N. (1977) *General'naya skhema rasseleniya na territorii SSSR* [General scheme of settlement in the territory of the USSR]. Moscow: TsNTI po grazhdanskomu stroitel'stvu i literature.
42. Mazur, L.N. (2006) *Sel'skoe rasselenie na Srednem Urale v XX veke: napravleniya i varianty transformatsii poselencheskoy seti* [Rural settlement in the Middle Urals in the twentieth century: trends and options for the transformation of the settlement network]. History Dr. Diss. Ekaterinburg.
43. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 1. File 899. (In Russian).
44. Neustroev, K.F. (1979) *Formirovaniye sistem gruppovogo rasseleniya na territorii Sibiri (obzornaya informatsiya)* [Formation of systems of group resettlement in Siberia (an overview)]. Moscow: TsNTI po grazhdanskomu stroitel'stvu i arkhitekture.
45. Listengurt, F.M. & Sipunova, E.V. (1980) *General'naya skhema rasseleniya na territorii SSSR (obzornaya informatsiya)* [General scheme of settlement in the territory of the Soviet Union (an overview)]. Moscow: Ekonomika.
46. Khorev, B.S. (1990) Kto zhe nazval derevnyu "neperspektivnoy"? [Who called the village "unpromising"?]. *Sel'skaya nov'*. 3(291). pp. 21–22.
47. Scott, J. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Good intentions of the state. Why and how failed projects to improve the conditions of human life]. Moscow: Universitetskaya kniga.

Received: 13 April 2015